

**ВОПРОСЫ ОХРАНЫ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ
И
КУЛЬТУРЫ**

Москва 1992

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
НИИ культуры

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *М. А. Полякова*,
кандидат исторических наук *Н. Н. Попова*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Н. М. Булатов*,
кандидат исторических наук *Е. Л. Галкина*,
научный сотрудник НИИ культуры *А. С. Фролов*

Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры.—
М., 1992.—283 с.—(Сб. науч. тр./НИИ культуры).
ISBN 5—7196—0038—8.

Сборник посвящен актуальным проблемам истории, теории и практики охраны памятников в нашей стране. В связи с начавшейся приватизацией предлагается методика оценки памятников с учетом их историко-культурной значимости. На конкретных примерах прослеживается опыт и рассматриваются проблемы музеефикации известных памятников истории и культуры. Сборник включает анализ законодательных актов охраны памятников за рубежом, раскрывает «биографии» отдельных историко-культурных объектов.

ISBN 5—7196—0038—8.

ББК 79.10

Палаты Аверкия Кириллова: страницы истории

Памятники старины, о которых пойдет речь ниже, давно заняли почетное место в истории отечественного зодчества, являя собою единственный в стране образец древнерусской усадьбы XVII в. Имеется в виду ансамбль, расположенный на пороге Замоскворечья, на Берсеневке, рядом с мрачноватым нагромождением жилых корпусов, широко известным как «Дом правительства» или «Дом на набережной». Здесь, в тихом уголке самого центра столицы, по сей день сохранились старинные палаты XVI—XVIII вв., служебный «Набережный корпус» и домовая церковь Николы 1657 г.

Ансамбль и каждый из входящих в его состав памятников зодчества достаточно хорошо известны. Без упоминания о них вот уже больше столетия не обходится ни один столичный путеводитель. Между тем биография старинной усадьбы изучена все еще недостаточно, отдельные ее страницы, по-видимому, навсегда утрачены, а иные еще не написаны.

Существует мнение, что первоначально усадьба принадлежала боярам Беклемишевым, причем последний из них Иван Никитович Беклемишев-Берсенеv в 1525 г. был казнен, а его собственность отписали в государеву казну (1). Не исключено, что с его фамилией связано и дошедшее до наших дней название набережной — Берсеневская (2). Известно, что в царствование Ивана III здесь существовала и так называемая «Берсенева решетка» — решетчатые ворота, запиравшиеся на ночь во избежание грабежей, убийств и поджогов. Решетку затворяли в 10 часов, а утром открывали за час до рассвета. У этих «застав» по очереди несли дежурство жители окрестных домов, а за порядок отвечал «объезжий голова» — доверенный боярин царя. Таким головой и был здесь И. Н. Беклемишев-Берсенеv (3).

Согласно другой точке зрения, Берсеневка получила свое название от когда-то росшего здесь крыжовника или, по-старинному, — берсеня.

Палаты на Берсеневской набережной стали «участниками» и «очевидцами» нескольких этапов в развитии отечественного зодчества, а в облике усадьбы отчетливо видны и особенности древнерусской архитектуры, и стиль барокко, и элементы классицизма.

Исследованиями архитектора-реставратора Г. В. Алферовой, проводившимися в 1953—1959 гг., установлено, что в XV—XVI вв. на территории усадьбы возвышался белокаменный дворец. Его фрагменты были обнаружены в толще стен в северо-восточной части здания (4).

Как же могли выглядеть палаты пятьсот с лишним лет назад? Вероятно, следующим образом. К находившемуся в центре объема сеней с востока и запада примыкали по два прямоугольных помещения. В северо-восточном углу сеней располагалась узкая внутренняя лестница для соединения жилого этажа с цокольным, использовавшимся в хозяйственных целях. В просторных подвалах обычно хранили запасы вин и домашних напитков.

Верхний этаж первоначально имел обширную открытую галерею, впоследствии обращенную в сени и комнаты.

Планировка XV в., типичная для сооружений, возведенных по канонам «Домостроя», с центральной палатой и сенями и примыкающими к ним раздельными мужской и женской половинами, хорошо сохранилась и поныне в центральной части здания, несмотря на все последующие перестройки.

Во второй половине XV в. палаты были существенно перестроены, в результате чего сформировался основной объем дошедшего до настоящего времени строения. При этом фрагменты белокаменного дворца были использованы при возведении подклетной части новых палат.

Кто владел усадьбой вслед за И. Н. Беклемищевым-Берсеныным — пока неизвестно. Однако старые московские предания, а вслед за ними и многие публикации, посвященные древнерусским палатам на Берсеневской набережной, называют в качестве владельца дома знаменитого опричника, думного дворянина Малюту Скуратова-Бельского (?—1572) (5). В подтверждение этой легенды обычно указывали на подземный ход, якобы связывавший двор Малюты Скуратова с Кремлем и проходивший под Москвой-рекой. Развернувшиеся в 1930-е гг. работы на площадке проектировавшегося Дворца Советов поставили под сомнение преданья старины: могила Скуратова была обнаружена в несохранившейся церкви Похвалы Богородицы и Всех Святых на левом берегу реки. И поскольку в то время всех умерших хоронили при церкви только своего прихода, можно со всей определенностью сказать, что и дом Малюты Скуратова был где-то рядом (6). Правда, это не исключает вероятности того, что ранее он жил в другом месте, к примеру, в Стрелецкой слободе. Так что легенда остается легендой. Она, хотя и не

находит себе документального подтверждения, в то же время и не опровергается окончательно известными нам историческими источниками.

Можно предположить, что во второй половине XVI в. усадьба была дарована «государеву садовнику» Кириллу, от него перешла сыновьям — Филиппу и Стефану (7). У последнего было трое сыновей, причем палаты и прилегающую землю со временем целиком унаследовал Аверкий Стефанович. Землю, принадлежавшую братьям, он позднее пожертвовал под кладбище берсеневской церкви (8).

Аверкий Стефанович (Степанович) Кириллов, с именем которого чаще всего связывается усадебный комплекс на Берсеневской набережной, стал его владельцем, по-видимому, в пятидесятые годы XVII в. В отличие от своих предков, он известен не только и не столько как садовник, сколько как крупный купец-предприниматель, «московский гость», а позже как государственный деятель. Он был владельцем многочисленных лавок в Москве и других русских городах, имел соляные варницы в Соли Камской, ему принадлежало немало земель и деревень.

В 1657 г. Аверкий Кириллов произвел очередную перестройку принадлежавших ему палат. Причем в своды одного из помещений первого этажа тогда же была вмонтирована плита с надписью: «Написан сей святой и животворящий крест в лето 7165 года того же лета и палата посправлена». Подобная «памятная надпись» — исключительный случай во всей истории русской архитектуры. Обозначенная на плите датировка — 1657 г. — принималась за время сооружения палат. Однако еще во второй половине XIX в. русским историком-архивистом Н. В. Калачовым было высказано предположение о более древнем их происхождении (9). Действительно, при проведении ремонтно-восстановительных работ в восьмидесятые годы прошлого столетия были обнаружены заложенные кирпичом древние окна, выходящие в пристройки, сделанные к основному объему позднее.

В целом палаты сохранились неплохо, однако кое-что безвозвратно утрачено и здесь. Это касается дверей, окон, полов, встроенной мебели, первоначальной конструкции крыши.

Дошедшие до нас описи московских дворов XVI—XVII вв. свидетельствуют о наличии во многих из них садов с яблоневыми деревьями. Иностранец Эрколе Зани, побывавший в Москве в 70-е гг. XVII в., писал, что «при каждом жилище или боярских хороммах — дворы, служба, баня и сад» (10). Подобные вспомогательные постройки были, конечно же, и на дворе Аверкия Кириллова. Однако ни одна из них не сохранилась.

Одновременно с сооружением северо-восточного помещения первого этажа в 1657 г. были построены «покои» и на втором этаже, где до этого времени была только «светлица». Восточный фасад здания украсился нарядным красным крыльцом с двойными арками на кувшинообразных столбах. В отделке этой

обращенной к близстоящему храму части палат едва ли не впервые во всем московском зодчестве были применены нарядные изразцы в синих тонах по белому фону.

В декоративной отделке здания особенно велика роль наличников. На всех этажах они были выполнены по-разному. Внизу применены самые скромные оконные обрамления — с треугольным завершением. Они типичны для построек начала XVII в. «Искони, где дело касается красоты,— писал известный знаток древнерусской архитектуры и быта И. Е. Забелин,— у плотников шли в дело две простые, но очень любимые формы. Это клин-треугольник и кружало-полукруг» (11). Можно не сомневаться, что возникновение этой столь почитаемой формы было навеяно многовековыми традициями деревянной архитектуры.

Самые богатые и —подчеркнем — разнообразные наличники украшают окна парадного первого этажа. Второй этаж отмечен применением однотипных оконных обрамлений.

Одновременно с расширением палат проводились работы по возведению возле них каменной церкви — сохранившейся и ныне и известной как церковь Николы на Берсеневке. Так сложился когда-то один из многочисленных, а ныне единственный сохранившийся ансамбль зажиточного московского боярина XVII в. Строительство, осуществляемое на Берсеневке, отражено в «Строельной книге церковных земель» за 1657 г., где об усадьбе, в частности, сказано: «А на том ево огороде, подле его Аверкиева двора, построена ево Аверкиева палата вновь, а от церковной земли до той ево палаты пять сажень» (12).

Никольская церковь имеет отчетливо выраженное стилистическое единство с палатами. «Окладные книги» показывают, что церковь на Берсеневской набережной существовала уже в 1624 г. Это была несохранившаяся деревянная предшественница теперешнего сооружения. В «Переписной книге» московских церквей за 1657 г. впервые упомянута «церковь каменная Живоначальной Троицы, что в Садовниках». Следовательно, построена она была в период между 1624 и 1657 гг. Известно, что строительство велось «по обещанию приходских и разных посторонних чинов людей», а крупнейший вклад был внесен «царским садовником» А. С. Кирилловым (13). Заметим, что существовавший здесь издавна храм был известен москвичам XVII—XVIII вв. как Троицкий. В документах того времени он нередко именуется храмом «Пресвятой Троицы что за Москвою-рекою в Берсеневке», «в Верхних Садовниках», «в Берсеневских Садовниках», в «Садовниках, у Берсеневской решетки» (14).

По своему типу это бесстолпный трехапсидный пятикупольный храм, завершенный двумя рядами кокошников, перекрытых по закомарам. С северной стороны к основному объему примыкает трапезная с крыльцом на столбах-кубышках, поддержи-

вающих двойные арки с гирькой. Бочкообразная кровля этого крыльца не имеет аналогий в каменном зодчестве Москвы и поэтому может считаться уникальной. Некогда было и второе, ныне заложенное крыльцо с восточной стороны, откуда шел спуск в подклет-усыпальницу. В 1775 г. к первоначальному объему трапезной была сделана пристройка, восстановленная после пожара 1812 г. (к 1823 г.) в формах классицизма (15).

Декоративное убранство церкви отличается подчеркнутой нарядностью, прихотливым узорочьем, особенно пышным на барабане центральной главы.

В усадебную церковь Аверкием Кирилловым был пожертвован золотой ювелирной работы на престольный крест с надписью: «Построен сей святой и животворящий крест в лето 7166 августа в 1-й день в дом пресвятой и животворящей и нераздельной Троицы, что в Садовниках, за Берсеневкою, по родителям государева садовника Аверкия Кириллова в вечный помин» (16). Крест этот отличался изяществом работы и богатством украшения, был «кругом осыпан рубинами и изумрудами». Уже в XVII в. этот крест, по всей вероятности работы лучших мастеров Серебряной палаты Московского Кремля, обращал на себя внимание самого государя. В одном из документов архива Оружейной палаты отмечалось: «1677 г. апреля 3 день по указу великого государя, царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, в Серебряну Палату на животворящий крест на накладки золотые с камнями, что делан с образца животворящего креста церкви Николая Чудотворца, что в Берсеневке, дано 11 золотых двойных» (17). Таким образом, вклад А. С. Кириллова служил как бы эталоном ювелирного искусства своего времени. С другой стороны, это лишний раз свидетельствует как об исключительной состоятельности вкладчика, так и о его близости царскому двору.

В XVIII—XIX вв. в церкви сохранялись и другие произведения древнерусского прикладного искусства: шитые золотом и серебром пелены XVII в. («воздухи»), украшенные драгоценными камнями и бисером серебряные брачные венцы 1740 г., евангелия в окладах ювелирной работы 1698, 1677 и 1694 гг., водо-святая серебряная чаша XVII в., украшенная изображениями цветов. Среди живописных произведений специалисты начала XX в. выделяли житийную икону пророка Ильи (XVII в.), иконы «Всех святых» (XVII в.), «Предста царица» (XVII в.), «Девять мучеников» (вторая половина XVII в.), «Казанская богоматерь» (XVII в.) (18).

В 1677 г. А. С. Кириллов был приглашен на государственную службу и пожалован чином думного дьяка. Он возглавлял приказы Большой казны, Большого прихода, управлял Казенным приказом и приказом Большого дворца. В его руках находились финансы, торговля и промышленность.

А. С. Кириллов погиб во время Московского восстания 1682 г. как сторонник Нарышкиных. Мятежные стрельцы сбросили его с Красного крыльца Теремного дворца, зарубили бердышами и под звон Кремлевского набата и бой барабанов потащили изуродованный труп на Красную площадь с душераздирающими криками: «Расступитесь, думный дьяк идет».

На памятном столбе, поставленном стрельцами на Красной площади, были названы грехи Аверкия Кириллова, приведшие к столь драматической развязке: «Великие взятки имал и налогу и всякую и неправду чинил» (19).

По обычаям того времени владелец усадьбы был похоронен в своем приходе — под северной папертью церкви Николая на Берсеневке. Лет сорок тому назад в притворе у северных дверей еще сохранялась плита с надписью: «Во славе и хвале Отца я Сына и Святого Духа раб Божий думный дьяк Аверкий Стефанович Кириллов от рождения своего поживе 60 лет и от начала мира лета 7190 мая в 16 день мученически скончался, на память преподобного отца нашего Федора Освященного» (20).

Владелицей палат ненадолго стала вдова покойного — Евфимия Евлампиевна. А в октябре под папертью Никольской церкви появилась еще одна каменная плита: «Лета от начала мира 7190 октября в 13 день,— было высечено на ней,— на память святых мученик Карпа и Понила, представился раба Божия думного дьяка Аверкия Стефановича Кириллова жена его Евфимия Евлампиевна, поживе от рождения 60 лет» (21).

Усадьбу унаследовал сын Кирилловых — думный дьяк Яков Аверкиевич. После смерти Я. А. Кириллова с 1694 г. до начала 1700-х гг. палатами владела его вдова Ирина Симоновна (по второму мужу — Курбатова) (22).

В конце XVII в. несохранившаяся ныне юго-восточная часть Красного крыльца (восточный фасад здания) была соединена крытым переходом с западным торцом церковной трапезной. Переход опирался на два или три арочных звена. И переход, и пышно отделанные крыльца с их могучими колоннами не только служили украшению ансамбля, но и как бы делали его равноправным участником всю прилегающую территорию, неумолимо вовлекая в «архитектурный спектакль» само пространство, на котором он вырос.

По мнению историка русской архитектуры М. А. Ильина, переход от палат к церкви на каменных аркадах вторил аналогичной детали Теремного дворца в Кремле (1637 г.) (23). В это время архитектура старомосковской усадьбы, пожалуй, достигла своего расцвета, хотя, как мы увидим далее, еще не раз так или иначе меняла свой облик.

В конце XVII в. ансамбль обогатился еще одним сооружением. Основой его была надвратная колокольная, построенная на средства И. С. Курбатовой, по-видимому, в середине

1690-х гг. Она представляла собой двухъярусный восьмерик на четверике и была очень похожа на колокольню церкви Всех Святых на Кулишках. К ней примыкали двухэтажные корпуса, вытянутые вдоль Берсеневской набережной: небольшой объем в два окна с востока и более протяженный с запада. Они были выстроены для церковного причта.

1705—1709 гг. открывают еще одну страницу архитектурной биографии этого памятника. В это время древнерусские палаты как бы надели на себя маску в духе нового времени, в стиле барокко. Тогда же для придания зданию входившей в моду симметрии справа по фасаду был достроен узкий выступ — ризалит (24). Первоначальное древнерусское убранство палат от этого несколько померкло, но в целом оно прекрасно сохранилось.

В оформлении «речного» фасада после реконструкции начала XVIII в. ведущая роль отведена изобретательно задуманному и мастерски воплощенному в материале аттику, украшенному волютами и пышными гирляндами из цветов и фруктов. Хороши и наличники второго этажа, украшенные лучковыми фронтонами и раковинами в их тимпанах. Вход в здание со стороны набережной получил арку, поддерживаемую великолепными резными кронштейнами. На тумбы-постаменты, оформлявшие новое парадное крыльцо, были поставлены статуи; к сожалению, их дальнейшая судьба неизвестна.

Словом, в архитектурном убранстве северного фасада здания нельзя не почувствовать руку незаурядного мастера. Имя его до сих пор не установлено, хотя существует ряд гипотез. С 1703 по 1711 г. усадьбой владел А. Ф. Курбатов. Служивший смотрителем за строительством в Кремле, он вполне мог привлечь к реконструкции своего дома работавшего с ним архитектора М. Чоглокова. Стилистические особенности позволяют предположить, что работы 1705—1709 гг. могли проводиться и под руководством И. А. Зарудного, автора «Меньшиковой башни» (25).

Любопытно, что обновленный фасад палат имеет немало общего с обликом церкви Сант-Михилскерк в бельгийском городе Лёвене, возведенный почти в те же годы (1650—1666) по проекту архитектора В. Хесиуса (26).

Неподалеку от Берсеневки, на Софийской набережной, до 1930-х гг. сохранялся еще один памятник, имевший заметное сходство с барочным фасадом палат Аверкия Кириллова. Мы имеем в виду здание сооруженного в 1704 г. по указу Петра I Суконного двора (суконной фабрики) (27). По-видимому, оба здания, обращенные на Кремль своими главными фасадами и фланкировавшие несохранившийся Каменный мост, волей неизвестного архитектора должны были составить и составляли единый градостроительный ансамбль.

В 1712—1739 гг. палатами владел «иностранный коллегии

ассессор Петр Васильевич Курбатов», а в 1740-е гг. усадьба становится выморочной и переходит в казну.

В 1746 г. дом отошел к Камер-коллегии, являвшейся основным органом финансового управления Российской империи *. Она занималась сбором государственных доходов, оформлением сделок казны с подрядчиками и откупщиками, расследованием злоупотреблений в области сбора казенных доходов и т. п. В ведении Камер-коллегии в Москве находился ряд финансовых учреждений, в том числе Корчемная контора, помещавшаяся в палатах до 1751 г. и Корчемная канцелярия, занимавшая их в 1751—1762 гг. Целью обоих учреждений была борьба с корчемством, и для содержания колодников, обвинявшихся в нем, близ палат «была устроена тюрьма и около нее бревенчатый острог» (28).

Палаты обретают нового хозяина в 1762 г. — на сей раз это Межевая канцелярия, занимавшая здание до 1764 г. и в 1766—1770 гг. Она играла важную роль в определении и утверждении границ поземельных владений в пределах Российской империи. Основанная первоначально в качестве губернской, Межевая канцелярия вскоре сделалась учреждением, на которое было возложено заведование межевыми конторами всей страны. Она же являлась судом второй инстанции по делам генерального межевания, а в 1768 г. при канцелярии был образован специальный архив для хранения межевых планов (29).

В 1764—1766 гг. в стенах старого дома работала Московская контора Канцелярии конфискации (находившейся в Петербурге), которая ведала недвижимым имуществом, поступавшим в казну от частных лиц за недоимки и политические преступления, а также выморочным имуществом (30).

С марта 1771 г. по май 1793 г. в палатах, принадлежавших некогда Аверкию Кириллову, располагался Разрядно-Сенатский архив (31). Здесь хранились подлинные столбцы родословных росписей, боярские книги (именные списки бояр, окольных, стольников, думных и других дворян), разрядные книги (книги регистрации и распоряжений правительства о назначении дворян на военную, гражданскую и придворную службу), отчеты с мест об обороноспособности городов, документы о народных восстаниях. В общей сложности здесь хранилось несколько сотен тысяч дел.

Вскоре после переезда из здания палат Разрядно-Сенатского архива в том же 1793 г. оно перешло в ведение Московской казенной палаты. Это учреждение, созданное в процессе реформ местного управления 1775 г., ведало множеством финансовых и административно-хозяйственных дел. Унаследовав многие

*Автор выражает глубокую признательность доценту Российского государственного гуманитарного университета В. О. Седельникову за предоставление ряда сведений об учреждениях, располагавшихся в палатах Аверкия Кириллова во второй половине XVIII в.

функции упраздненных реформой Камер- и Ревизион-коллегии, казенная палата осуществляла контроль за налоговыми поступлениями, финансами, заведовала податным делом. Кроме того, в ее функции входили учетно-статистическая работа по переписи податного населения и руководство уездным казначействами (32).

В 1806 г. на «исправление» здания распоряжением оберпрокурора Шетнева было отпущено 2383 руб. Проект реконструкции здания был выполнен архитектором А. Назаровым. По завершении работ в берсеневском теремке разместилась Сенатская курьерская команда, а сам дом стал называться Курьерским (33).

Стены усадьбы были опалены пожаром 1812 г. По словам очевидца, приехавшего в Москву 24 декабря 1812 г., «Замоскворечье все было выжжено и кроме церковей представляло гладкое поле, покрытое пеплом и развалинами» (34). Все деревянные дома на Берсеневке сгорели, сильно обгорела и церковь Николы. Колокольня же пострадала настолько, что верхние ярусы ее пришлось разобрать (35). Правда, она и до пожара, что называется «дышала на ладан». «Каменная колокольня (надвратная) — отмечала в 1786 г. Московская управа благочиния, — от давнего времени построения весьма опасна к падению, почему в Московской управе благочиния определено послать в Консисторию сообщение с требованием, чтобы она благоволила приказать колокольню подкрепить и исправить починкою или в предосторжность, дабы от нечаянного оной падения убивства народного последовать не могло, и совсем разобрать» (36). Никаких мер ни по спасению памятника, ни по предотвращению «убивства народного» Консисторией принято не было. Тем не менее, колокольня простояла еще около сорока лет и прекратила существование около 1815 г. Здесь же укажем, что примыкавшие к колокольне жилые корпуса причта были разобраны значительно позже — в 1871 г. Они уступили место существующему поныне двухэтажному зданию «скудной архитектуры», включив в себя и отдельные фрагменты своего предшественника. В XIX — начале XX в. этот корпус постоянно использовался под жилье (37).

Последствия пожара 1812 г. были устранены лишь к 1820 г. В 1826 г. на Берсеневской набережной кроме палат насчитывалось одиннадцать дворов. Шесть из них принадлежали крупным московским купцам (Часовникову, Лепешкину, Куманину и др.), три — мещанам и два — мелким чиновникам (38).

В 1854 г. у западной стены церковной трапезной была построена новая колокольня. На ней в начале нашего столетия современники отмечали три замечательных колокола. Большой двухсотпудовый был опоясан выполненными вязью надписями: «Лета 7204 (1695) сентября в 1 день дала сей колокол думного дьяка Якова Аверкиевича Кириллова жена Ирина Симонова к

церкви Живоначальной Троицы и к приделу Казанской Богородицы, что в Верхних Садовниках» (вверху); «в Берсеневке, в вечное поминовение по мужу своем Иакове Аверкиевиче, а в схимонасах Иове, и по родителям ево Аверкии убиенном и Евфимии и их сродниках при сей церкви лежащих, при священнике Науме Федотове» (внизу). Колокол был украшен изображениями ветхозаветной Троицы и Казанской богородицы. Последняя надпись гласила: «Лил сей колокол мастер Иван Лютора» (39).

На втором полиелейном колоколе восьмидесяти шести пудов весом была сделана надпись вязью: «Лета 7204 октября мсца сей колокол дали есми вкладу дьяк Порфирий и брат мой гость Матфей — Трофима Стефановича дети Семенниковы к церкви Пресвятыя Троицы, в Верхних Садовниках, в Берсеневке, при служащем тоя церкви честном иерее и отце нашем духовном Науме Федотовиче» (40).

«Лета 7204 ... колокол вылит иждивением гостя Матфея Трофимова сына Семенникова» (41)—сообщала надпись на третьем, весом в пятьдесят четыре пуда, колоколе.

В 60-е гг. XIX в. Курьерский дом пришел в аварийное состояние. Требовались ремонтно-восстановительные работы. Однако Дворцовое ведомство, возглавлявшееся «рационально мыслящими» чиновниками, не пожелало отпускать средства на ремонт «рухляди». Палаты были обречены на слом и разделены бы, вероятно, участь сотен других зданий, утраченных в погоне за призрачным благолепием городских улиц и площадей. Особняк, а с ним и основная часть старинной усадьбы были спасены участием Московского археологического общества, созданного 17 февраля 1864 г. и с 1870 г. ставшего владельцем памятника старины (42).

Внушительный список памятников истории и культуры, сохранных при самом непосредственном участии Московского археологического общества, открывается усадьбой на Берсеневке. В ходе развернувшихся работ были разобраны позднейшие пристройки и заново отделана просторная палата на первом этаже. Здесь, в этой палате, расписанной «во вкусе допетровского времени» в дальнейшем проходили публичные заседания Общества.

Название организации — Московское археологическое общество — не вполне раскрывает для современника характер и масштабы его былой деятельности. Во-первых, членами общества были не одни только археологи. Здесь сотрудничали историки М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, архитекторы Ф. Ф. Горностаев, Л. В. Даль, К. М. Быковский, И. П. Машков, художники А. М. Васнецов и И. С. Остроухов, писатели А. Ф. Вельтман, Ф. Н. Глинка, В. М. Жемчужников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. И. Мельников-Печерский и многие другие. В начале XX в. в Обществе насчитывалось около пяти-

сот членов и членов-корреспондентов. Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что в своей подвижнической деятельности члены Общества отнюдь не ограничивались только Москвой. По существу это было всероссийское общество изучения и охраны историко-культурного наследия. Общество занималось как «движимыми», так и «недвижимыми» памятниками, держало в поле своего зрения историко-художественные реликвии, принадлежавшие государству, церкви и частным лицам.

Деятельность Общества была многообразна. Здесь и проведение археологических раскопок, и осуществление исторических исследований, и организация регулярно созывавшихся археологических съездов, и повсеместная забота об охране памятников старины (43). Этому Обществу, людям, которые в нем работали, мы должны быть бесконечно признательны уже за то, что был сохранен такой шедевр мирового зодчества, как храм Покрова на Нерли.

Московскому археологическому обществу принадлежит видная роль в изучении и пропаганде отечественного культурного наследия, в ведении в научный оборот сведений о многих сотнях памятников культуры (достаточно напомнить об изданных Обществом 200 томах ученых трудов).

Высокой оценки заслуживает деятельность Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества — орган, который к 1917 г. обладал богатейшим опытом научной, методической и организационной работы по изучению и сохранению историко-культурных реликвий. Приходится сожалеть, что этот опыт был явно недооценен в послереволюционные годы, когда закладывались основы советских органов охраны памятников.

В заслугах Московского археологического общества перед отечественной культурой и исторической наукой велика роль многолетней плодотворной и безвозмездной деятельности его руководителей — А. С. Уварова (1825—1884) и его жены П. С. Уваровой (1840—1924). Трудно не согласиться с известным искусствоведом Г. И. Вздорновым, который считает, что они «сделали для процветания Московского археологического общества столько же, сколько вся официальная Россия для поддержания других научно-исторических и археологических обществ» (44).

В июне 1923 г. при обстоятельствах, которые требуют дополнительных розысканий, Московское археологическое общество было закрыто распоряжением Народного комиссариата внутренних дел. Никакой мотивировки столь крутой меры обнаружить пока не удалось. Таким образом, эта организация разделила участь большинства общественных объединений дореволюционной России и, в частности, научно-исторических обществ.

К счастью, палаты Аверкия Кириллова и церковь Николы

по-прежнему украшали Москву, не разделив горькой участи сотен других столичных памятников, уничтоженных политиками и невеждами. Был взорван стоявший на противоположном берегу Москвы-реки храм Христа Спасителя, несомненная градостроительная доминанта города. Зато на месте винно-соляного двора поднялась чудовищная серая махина «жилкомбината» для высокопоставленных лиц — «Дом правительства». «Жилкомбинат» волею своих заказчиков и проектировщиков почти вплотную придвинулся к уникальному усадебному комплексу, властно подчинив себе все окружающее пространство. Облику древнерусской усадьбы был нанесен непоправимый моральный ущерб. Но о какой морали могла идти речь в 1930-е гг.? Кстати, усадьба понесла в начале 30-х гг. и физические утраты: в 1932 г. была уничтожена шатровая колокольня, примыкавшая к церковной трапезной.

Еще в первые послеоктябрьские годы была прекращена служба в Никольской церкви. Бесследно исчезли из ее стен все реликвии: иконы, предметы декоративно-прикладного искусства, книги. Однако судьбе было угодно снова, правда ненадолго, сделать храм на Берсеневке хранителем музейных ценностей. Летом 1941 г. в церкви и трапезной было устроено объединенное фондохранилище крупнейших столичных музеев. Упрятанные в сотни ящиков, здесь хранились коллекции Исторического музея, Музея Революции, Музея народов СССР, Биологического музея. Известно, что наиболее ценные музейные реликвии были замурованы в церковных подвалах (45).

В послевоенные годы в стенах Никольской церкви работали Научно-методический совет по охране памятников культуры, возглавлявшийся академиком И. Э. Грабарем и Научно-исследовательский институт музееведения.

Вернемся к истории старинных палат. В 1925 г. сюда переехали Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), разместившиеся первоначально на втором этаже. Первый этаж особняка некоторое время (с декабря, 1924 г.) был занят Комитетом по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа.

Забота о сохранении памятников культуры была основной задачей реставрационных мастерских, созданных И. Э. Грабарем. При этом работа проводилась по двум направлениям — по линии выявления, регистрации и учета памятников архитектуры, живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и по линии консервации, реставрации и предохранения памятников от разрушения. Оба направления осуществлялись на базе научных исследований, так что мастерские выполняли роль научно-исследовательского института методов консервации и реставрации памятников.

ЦГРМ включали в себя следующие отделения (впоследствии — секции): 1. Архитектуры; 2. Живописи; 3. Скульптуры;

4. Декоративного искусства; 5. Учета памятников. Самостоятельными подразделениями были научный архив и справочная библиотека.

Коллектив мастерских объединил высококвалифицированных преданных ему специалистов: здесь трудились архитекторы-реставраторы П. Д. Барановский, Б. Н. Засыпкин, Н. Р. Левинсон, Д. П. Сухов, С. А. Топоров, реставраторы древней живописи А. И. Анисимов, В. О. Кириков, Ю. А. Олсуфьев, И. И. Суслов, М. И. Тюлин, Г. О. Чириков, П. И. Юкин, мастера по восстановлению предметов декоративно-прикладного искусства Т. Н. Александрова-Дольник, Ю. С. Карпова, М. Н. Рождественская, К. Н. Шишова. По отделению скульптуры к реставрационным работам привлекались скульпторы В. Н. Домогацкий, А. Н. Златовратский и другие. Забота об учете памятников лежала на Е. И. Иваненко.

Сотрудники мастерских консультировали работы по реставрации Китай-городской стены, Сухаревой башни, зданий Московского университета (старое здание на Моховой), Центрального дома Красной Армии и Флота (бывший Екатерининский институт) и других объектов.

Под руководством Д. П. Сухова на основании найденных под поздней облицовкой первоначальных архитектурных форм были восстановлены конструктивные и декоративные элементы Покровского собора (Василия Блаженного). По проекту П. Д. Барановского был воссоздан древний облик Казанского собора первой половины XVII в., искаженного позднейшими переделками, была проведена реставрация фасадов Воскресенских ворот XVII в. (архитекторы Д. П. Сухов, П. С. Касаткин).

Однако сотрудники мастерских работали не только в Москве и Подмосковье. Из стен старинного особняка на Берсеневке они выезжали в многочисленные экспедиции и командировки, география которых охватывала всю страну, за исключением, разве что Сибири и Дальнего Востока. Целью этих поездок было выявление, обследование, определение историко-художественного значения памятников архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства, принятие мер по их охране, производство реставрационных работ, а также инструктирование местных работников.

Напряженно трудились специалисты в области реставрации живописи. Их стараниями были расчищены от поздних наслоений ценнейшие иконы XIII в. Толгской богородицы из Толгского монастыря в Ярославле и Дмитрия Солунского из Дмитровского собора. Проводились большие работы по укреплению древних фресок в соборах Александра, Сергиева, Ярославля, Новгорода, Пскова. Новейшими методами, разработанными в мастерских, были укреплены фрески кисти Андрея Рублева во владимирском Успенском соборе (46).

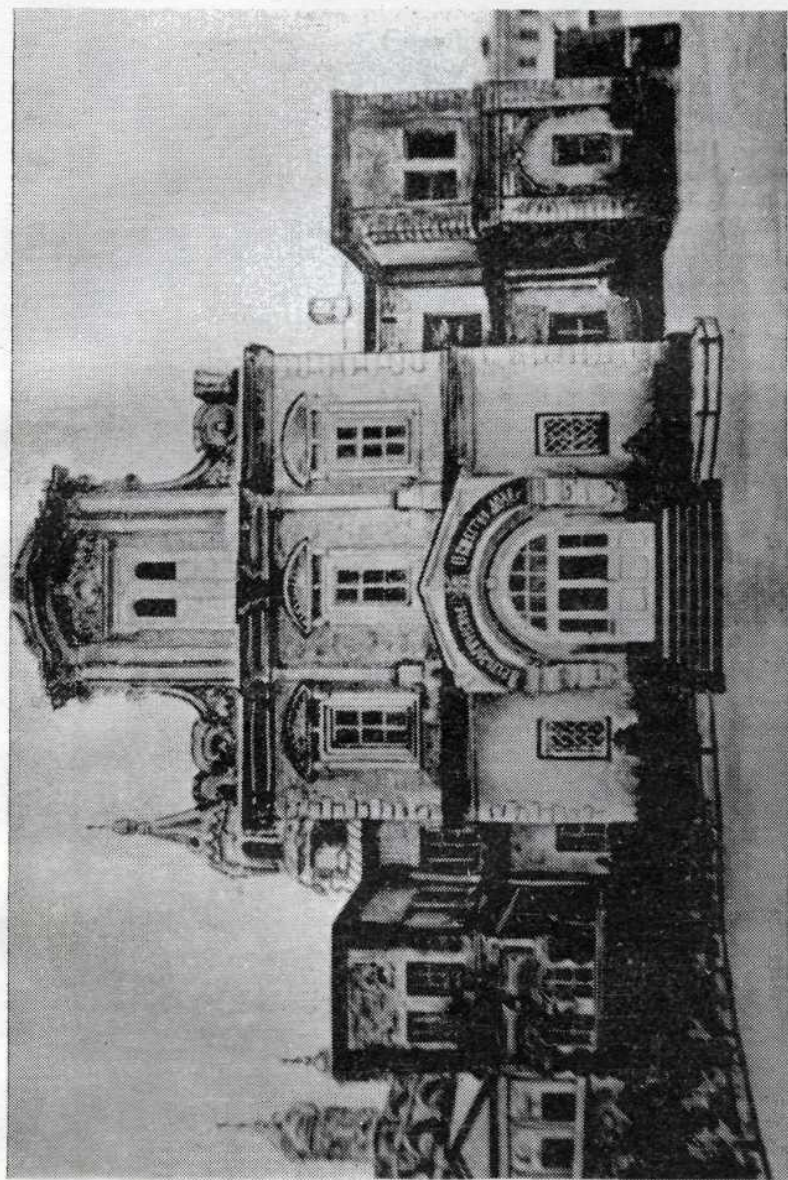

Рис. 1. Палаты Аверкия Кириллова. Нач. XX в.

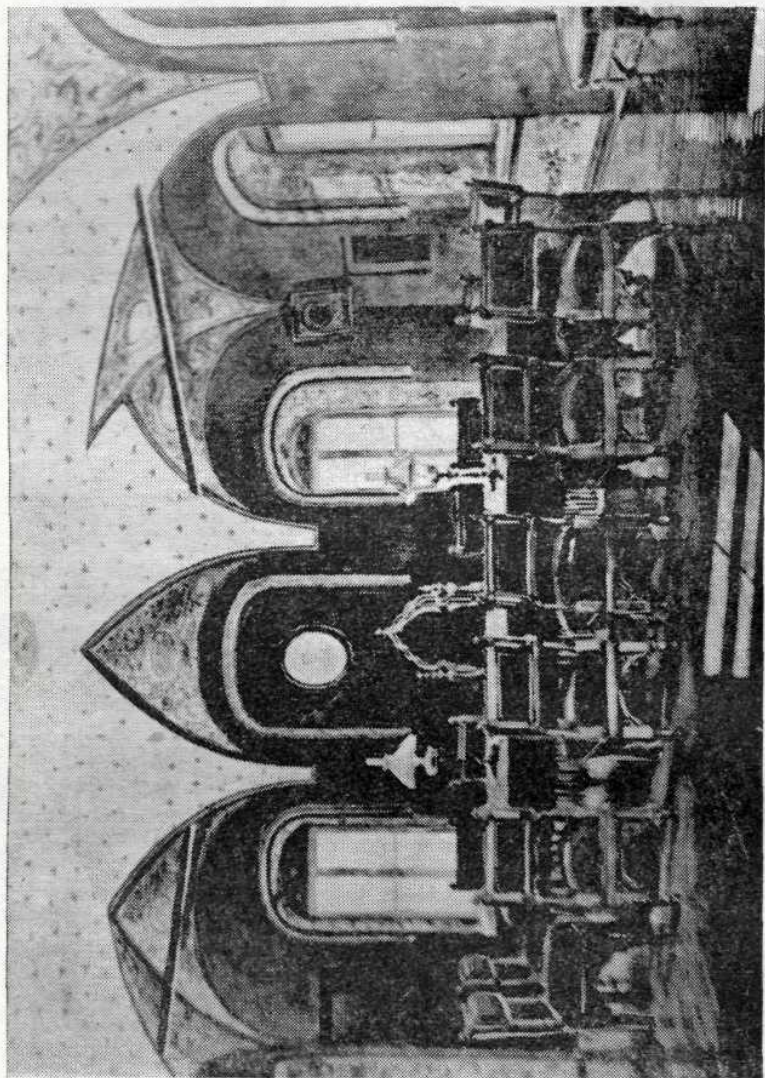

Рис. 2. Палаты Аверкия Кириллова. Бывший зал заседания Московского археологического общества.

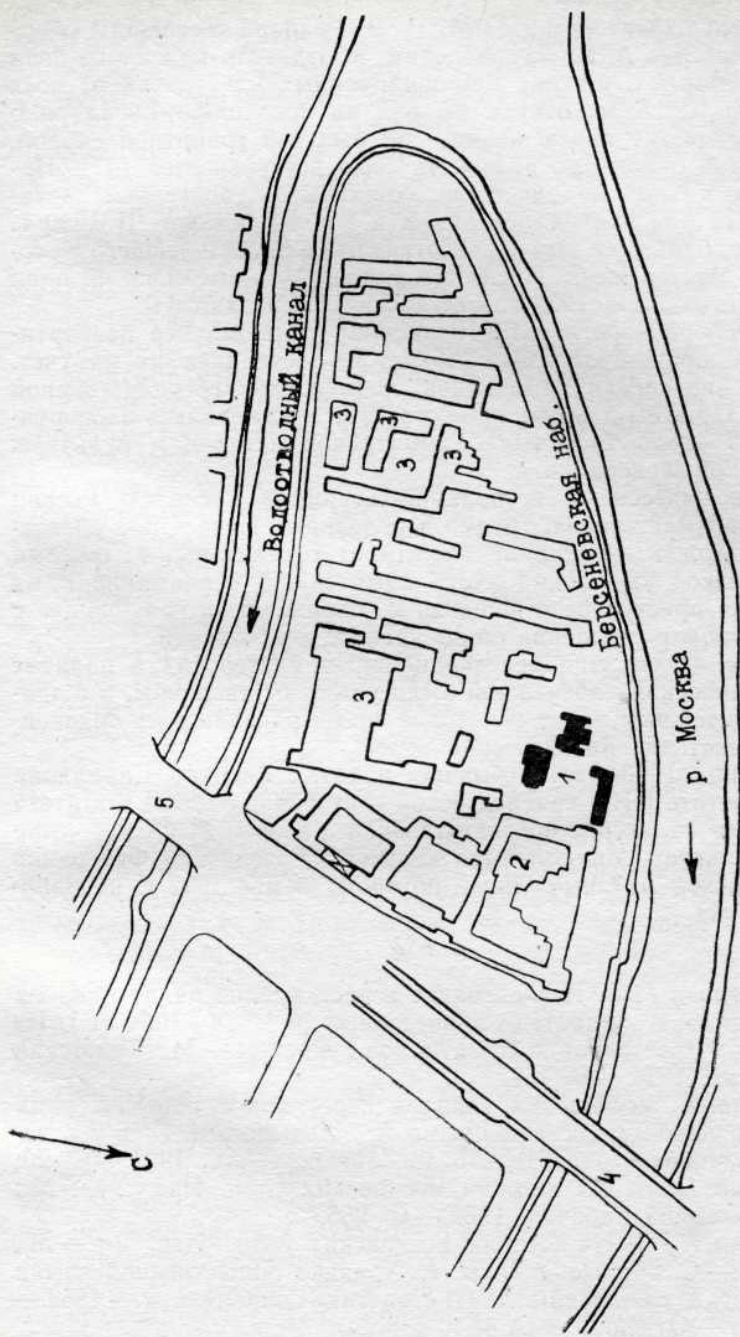

Рис. 3. Усадьба Аверкия Кириллова. Генплан квартала.
1) Усадьба Аверкия Кириллова; 2) Дом правительства; 3) Корпуса кондитерской фабрики кон. XIX — нач. XX в.; 4) Большой каменный мост; 5) Малый каменный мост.

Будучи директором ЦГРМ, И. Э. Грабарь теснейшим образом общался с А. В. Луначарским. «Создатель музейного дела и убежденный защитник реставрационных мастерских от всех и всяких наскоков, откуда бы они ни исходили,— писал он о первом наркоме просвещения,— он был той гранитной скалой, за которой они могли развивать свою деятельность» (47). Наскоков и недопонимания было, по-видимому, более чем достаточно. Не раз появлялись они и в печати тех лет. В 1930 г. И. Э. Грабарь был вынужден отказаться от дальнейшего руководства мастерскими. После его ухода здесь сменился не один руководитель, а в 1932 г. мастерские были закрыты.

Так оборвалась начатая по почину Наркомпроса паспортизация историко-культурных объектов, постановка их на учет, составление списка памятников, подлежащих государственной охране. По этим данным только в 1932 г. намечалось паспортизировать около трех тысяч памятников истории и культуры Российской Федерации.

Урон, нанесенный историко-культурному наследию России закрытием мастерских, трудно переоценить. Печальным следствием издержек культурной политики тоталитарного режима стало резкое ухудшение учета памятников, невнимание к их изучению, преступное отношение к сохранению и граничащее с варварством разрушение сотен древних сооружений.

После ликвидации реставрационных мастерских в палатах на Берсеневской набережной были устроены квартиры, а в здании Набережных палат некоторое время располагался Московский областной краеведческий музей.

С конца 1940-х гг. в бывших палатах Аверкия Кириллова стал работать НИИ краеведческой и музейной работы Комитета по делам культурно-просветительной работы РСФСР, ныне НИИ культуры Министерства культуры Российской Федерации и Российской Академии наук, которому в мае 1992 г. исполнилось 60 лет.

* * *

1. *Алферова Г. В.* Исследование и реставрация палат Аверкия Кириллова (работы, проведенные в 1954—1964 гг.)//Из истории реставрации памятников культуры.— М.: Советская Россия, 1974.—С. 137.
2. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями, составленными А. Мартыновым. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное.— М., 1881.— С. 20; *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. Изд. 2-е.— М.: Московский рабочий, 1952.— С. 266.
3. *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. Изд. 2-е.— М., 1952.— С. 267; *Забелин И. Е.* Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия, //Современник.— 1852.— Март.— Отдел П.— С. 4.

4. *Алферова Г. В.* Исследование и реставрация палат Аверкия Кириллова (работы, проведенные в 1954—1964 гг.//Из истории реставрации памятников культуры.— М., 1974.— С. 147, 149.
5. *Калачов Н. В.* Дом Малюты Скуратова, ныне Курьерский московских департаментов правительствующего Сената//Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом. Под ред. А. А. Котляревского.— М., 1868.— С. 268; *Горностаев И. Ф.*, *Богуславский Я.- М.*, По Москве и ее художественным и просветительным учреждениям.— М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917.— С. 260; *Разов Д. В.* Ансамбль палат Аверкия Кириллова//Архитектурные памятники Москвы XV—XVII веков. Новые исследования.— М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1947.—С. 78; *Александров Ю.* Москва. Диалог путеводителей.— М.: Московский рабочий, 1982.— С. 350.
6. *Сытин П. В.* Ук. соч.—С. 267.
7. *Алферова Г. В.* Ук. соч.—С. 137.
8. Строельная книга церковных земель 7165 года//*И. Е. Забелин.* Материалы для истории, археологии и статистики Московских церквей.— Ч. II.— М.: Московская городская типография, 1891.— С. 264.
9. *Калачов Н. В.* Ук. соч.—С. 268.
10. Цит. по кн.: *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. Изд. 2-е.— М.: Московский рабочий, 1952.— С. 26.
11. *Забелин И. Е.* Черты самобытности в древнерусском зодчестве.—М., 1900.—С. 47.
12. Строельная книга церковных земель 7165 года...— С. 264.
13. *Разов Д. В.* Ук. соч.—С. 86.
14. Там же.— С. 86.
15. *Ильин М.*, *Моисеева Т.* Москва и Подмосковье. Справочник-путеводитель.— М.; Искусство-Эдицион, 1985.— С. 449.
16. *Успенский А. И.* Церковь св. Николы Чудотворца на Берсеневке.—М., 1906.—С. 19.
17. Там же.—С. 19.
18. Там же.—С. 19—23.
19. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева//Записки русских людей. События времен Петра Великого.— СПб., 1841.—С. 24; *Успенский А. Я.*—Ук. соч.—С. 9.
20. *Успенский А. И.* Ук. соч.— С. 9.
21. *Мартынов А. А.* Надгробная летопись Москвы//Русский архив.—№ 6.—1895.—С. 237.
22. Там же.—С. 237.
23. Текущий архив Главного управления по охране, реставрации и использованию памятников Министерства культуры РСФСР. Паспорт «Усадьба А. Кириллова», составленный архитектором М. Г. Карповой 17 февраля 1986 г.; *Разов Д. В.* Ук. соч.— С. 79; *Калачов Н. В.* Ук. соч.— С. 268.

24. Москва. Памятники архитектуры XIV—XVII веков.— М.: Искусство, 1973.—С. 74.
25. *Разов Д. В.* Ук. соч.— С. 83.
26. *Грабарь И. Э. И. П.* Зарудный и московская архитектура первой четверти XVIII века.//Русская архитектура первой четверти XVIII века. Исследования и материалы.— М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1954.—С. 84; *Александров Ю.* Ук. соч.—С. 350; Текущий архив Главного управления по охране, реставрации и использованию памятников Министерства культуры РСФСР. Паспорт «Усадьба А. Кириллова», составленный архитектором М. Г. Карповой 17 февраля 1986 г. и др.
27. Воспроизведение чертежа архитектора И. Мичурина «Фасад Московского суконного двора» (1746 г.) см. в кн.: История Москвы.—Т. 2.—М.: Изд-во АН СССР, 1953.—С. 20.
28. История Москвы.—Т. 2.—М., 1953.—С. 451—452; *Калачов Н. В.* Ук. соч.—С. 269.
29. *Калачов Н. В.* Ук. соч.— С. 270; *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР.—М., 1960.— С. 169—170.
30. *Калачов Н. В.* Ук. соч.— С. 270; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России.— М., 1983.—С. 109.
31. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История Разрядного архива. 1711—1812 гг.//Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— Кн. 5.— М., 1888.—С. 62.
32. *Ерошкин Н. П.* Ук. соч.—С. 121...
33. *Калачов Н. В.* Ук. соч.—С. 270.
34. *Маракуев М.* Москва после пожара//Москва в истории и литературе. Сост. М. Коваленский.— М., 1916.— С. 261.
35. Текущий архив Главного управления по охране, реставрации и использованию памятников Министерства культуры РСФСР. Паспорт «Усадьба А. Кириллова», составленный архитектором М. Г. Карповой 17 февраля 1986 г.
36. Цит. по статье: *Разов Д. В.* Ансамбль палат Аверкия Кириллова//Архитектурные памятники Москвы XV—XVII веков.— М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1947.—С. 88.
37. *Успенский А. И.* Ук. соч.— С. 7; *Резвин В.* Берсеневская набережная//Строительство и архитектура Москвы.— № 11.— 1986.— С. 18; Текущий архив Главного управления по охране, реставрации и использованию памятников Министерства культуры РСФСР. Паспорт «Усадьба А. Кириллова», составленный архитектором М. Г. Карповой 17 февраля 1986 г.
38. *Сытин П. В.* Ук. соч.— С. 269.
39. *Успенский А. И.* Ук. соч.—С. 18.
40. Там же.—С. 18.

41. Там же —С. 18.
42. Граф *Уваров А. С.* Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. Под ред. П. С. Уваровой.— Т. 3.— М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1910.—С. 136—138.
43. Подробнее о Московском археологическом обществе см.: *Бороздин И.* Пятидесятилетие императорского Московского археологического общества.— М., 1915; Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). Под ред. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина.— Т. II.— М., 1915; Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования.— М., 1980; *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России//Археографический ежегодник за 1974 г.— М.: Наука, 1975.— С. 38—55; *Фролов А. И.* Достоинно благодарной памяти//Памятники Отечества.— № 2.— 1990.— С. 47—52; *Фролов А. И.* Московское археологическое общество и охрана памятников старины//Архитектура и строительство России.— № 3.— 1990.— С. 30—32; № 4.—С. 30—32.
44. *Вздорное Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век.—М.: Искусство, 1986.—С. 139.
45. *Симкин М. П.* Советские музеи в период Великой Отечественной войны//Труды НИИ музееведения.— Вып. 2.— М.: Советская Россия, 1961.— С. 286.
46. Подробнее о ЦГРМ см.: *Горелова С.* Мероприятия советского правительства по охране памятников искусства (1917—1941 гг.)//Искусство.— № 8.—1987.—С. 37—42; *Грабарь И. Э.* О древнерусском искусстве.— М.: Наука, 1966.— С. 370—380; *Лидак Я. Г.* Больше внимания памятникам старины//Советский музей.— № 5.— 1932.— С. 116—117.
47. *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография.— М.—Л.: Искусство.—1937.—С. 282.